

Следы муки на стене и на ноже, а также отпечатки обуви на стене и подоконнике позволили Чжуан Чжуну прийти к окончательному выводу, что человек, перелезший через стену, был убийцей Юань Лянцзюня.

Это должно было быть спланированное преднамеренное убийство. Иначе это было бы слишком большим совпадением: убийца находит нож Хань Чуаня, затем по чистой случайности пробирается именно в его комнату, убивает его соседа и подставляет его. Это было не ограбление, потому что ранее во время осмотра комнаты все ценности Юань Лянцзюня все еще находились в сундуках и ящиках, без малейших следов беспорядка.

Хотя стражники позже перевернули все в комнате, нарушив место преступления, Чжуан Чжун еще до их прихода успел запомнить все в деталях. У него была отличная память, особенно на статичные образы, если он концентрировался, сцена запечатлевалась в его мозгу словно фотография, хотя со временем такие воспоминания постепенно блекли. Удивительно, но после перемещения в этот мир и превращения в юношу его память стала даже лучше.

Если убийца действовал в панике, будучи обнаруженным, картина была бы иной. Но анализ места преступления говорил об обратном: убийца был предельно спокоен и не суетился. Он действовал быстро, жестоко и точно - один смертельный удар, он даже не считал нужным нанести еще один удар, чтобы убедиться в смерти жертвы. После этого он спрятал нож под кровать Хань Чуаня, и все это было сделано без шума. Было ли это удивительной дерзостью или тщательным планированием, было件ятно, что это работа опытного человека. Но с кем Юань Лянцзюнь мог враждовать так сильно, чтобы кто-то захотел лишить его жизни? Или это был наемный убийца, посланный за Хань Чуанем, и Юань Лянцзюня убили по ошибке?

Когда все улики были собраны воедино, истина постепенно стала проступать перед каждым.

Фэн Хуань спросил:

- Были ли у Юань Лянцзюня враги за пределами академии?

Тан Байшань ответил:

- Юань-сюн был открытым и благородным человеком, искренне относился к другим. Его любили и в Императорской академии, и за ее пределами, он никогда не искал неприятностей. Насколько я знаю, у него не было врагов. За исключением споров с Цзян Сюнем, я никогда не слышал, чтобы он с кем-то ссорился. К тому же он не местный, в столице у него мало знакомых. В свободное время он выходил только попить чаю или вина, и всегда в большой компании. Будь у него враги, мы бы об этом знали.

Великий наставник добавил:

- Юань Лянцзюнь из богатой семьи из Цзяннань*. Я знаю о семье Юань - они уважаемые люди в своем регионе, известные своей добротой. Я никогда не слышал, чтобы у них были враги.

- Хотя убит Юань Лянцзюнь, судя по всему, целью нападения был Хань Чуань.

Фэн Хуань кивнул. Он тоже не думал, что это как-то связано с Юань Лянцзюнем и он не верил в случайности. Как кто-то мог просто найти или украсть нож его соседа, а затем убить его им? Даже если убийца имел какое-то отношение к нему, Хань Чуань все равно был бы замешан в этом.

- У Хань Чуаня были враги?

На вопрос Фэн Хуана собравшиеся ученики замялись, не зная, как ответить. Хань Чуань действительно был неприятным человеком - он любил пользоваться другими и был остер на язык. Если кто-то отказывался выполнять его просьбы, он называл его мелочным и лишенным благородства, а потом пускал об этом сплетни по всей академии. По отдельности его поступки казались незначительными, но в целом они действительно вызывали раздражение. При этом, будучи талантливым ученым, он каким-то образом приобрел торгашеские замашки, но вместо того, чтобы стыдиться их, он называл это изысканным развлечением.

Если бы он делал так изредка, это могли бы счесть забавной шуткой, ведь подобное не было чем-то необычным среди ученых. Но когда это становилось постоянной привычкой, оно переставало быть забавным, превращаясь в не более чем мелкую жадность. Даже одеяния ученого не могли скрыть такое поведение. Остальные ученики, считая зазорным ввязываться в ссоры из-за подобных пустяков, закрывали на это глаза.

Хань Чуань поспешно возразил:

- Я тоже не из столицы, и друзей у меня не меньше, чем у Юань Лянцзюня! Никто не мог хотеть моей смерти.

Стоящие рядом ученики опустили головы. Хотя поступки Хань Чуаня, конечно, не были настолько возмутительными, чтобы кто-то хотел его смерти, но то, что он сравнивал свою популярность с популярностью Юань Лянцзюня было действительно поразительным невежеством. В комнате воцарилась мертвая тишина, и каждый не знал, куда смотреть. Это должен был быть чрезвычайно неловкий момент, но Хань Чуань не понимал, что сказал что-то не так, на его лице было только выражение полного недоумения.

Тан Байшань сухо рассмеялся и попытался сгладить ситуацию, тщательно подбирая слова:

- Хотя поступки Хань-сюна иногда специфичны, они едва ли могут послужить причиной для его убийства.

Некоторые люди оскорбляют других, но даже не понимают этого. Чжуан Чжун спросил по-другому:

- У тебя были конфликты с кем-нибудь в городе?

Хань Чуань еще активнее покачал головой.

- Я всегда отношусь ко всем доброжелательно. К тому же я редко выхожу. Я никогда ни с кем не ссорился, даже не говорил резко.

В этот момент стоявший рядом Фан Сян выглядел довольно бледным, его глаза бегали по сторонам, как будто он хотел что-то сказать, но сдерживался. Фэн Хуань, наблюдавший за выражениями лиц всех присутствующих, заметил это и резко сказал:

- Ты! Если тебе есть что сказать, говори! Что ты колеблешься?!

Фан Сян испуганно поклонился, бросил взгляд на Хань Чуаня и выдавил:

- Считается ли невозвращенный долг конфликтом?

Выражение лица Хань Чуаня мгновенно потемнело. Он гневно посмотрел на Фан Сяна.

- Не говори ерунды. Я не из тех, кто пользуется другими.

Фан Сян замялся.

Фэн Хуань прищурился.

- Говори! Если осмелишься что-то скрыть, сегодня же будешь исключен из академии. Если ты боишься говорить сейчас, то даже если станешь чиновником, будешь бесполезен.

Услышав это, Фан Сян не посмел больше молчать.

- Это та лавка с лапшой-«головастик». С тех пор как Хань Чуань обнаружил, что хозяйка лавки - его землячка, он каждый выходной обедает там, всегда в долг. Каждый раз он приводит с собой толпу, хотя и не такую большую, как вчера. Я... Я каждый раз был с ним, поэтому знаю, что он ни разу не заплатил.

Опасаясь, что его репутация будет погублена, Хань Чуань поспешно объяснил:

- Я и не думал не платить. Просто эта еда стоит гроши, рассчитываться каждый раз по чуть-чуть хлопотно. Поэтому я и предложил записывать все, чтобы потом расплатиться одной суммой. Я бы никогда не заставлял ее давать в займы! Если вы мне не верите, спросите у хозяйки.

- Хозяйка? Лавкой управляет женщина? Она замужем? - Спросил Фэн Хуань. В Да Ю в отношении женщин было не так много ограничений, как в династиях Мин или Цин, многие женщины открыто работали. Однако владельцами магазинов были в основном замужние женщины или вдовы, незамужние девушки редко занимались торговлей.

- Она носит прическу замужней женщины, так что у нее есть муж, хотя его редко можно увидеть. Лавкой в основном управляет она. Однажды я мельком видел какого-то мужчину и спросил, не ее ли это муж, или земляк..., - в этот момент Хань Чуань осекся и нахмурился, о чем-то задумавшись.

Фэн Хуань бросил на него тяжелый взгляд, и Хань Чуань поспешно продолжил:

- Она ушла от ответа, и выражение ее лица было очень странным. Я еще тогда сказал Фан Сяну: чего ей скрывать собственного мужа? Это же вызывает подозрения.

Фан Сян вспомнил:

- Я помню, ты пошутил, что, возможно, они сбежали в столицу, поэтому и скрываются. Я отругал тебя за болтовню, которая может испортить репутацию, но ты отмахнулся, сказав, что такие вещи действительно происходили в твоих родных краях, когда охранник богатой семьи похитил наложницу своего хозяина, и за их поимку было объявлено щедрое вознаграждение.

Глаза Чжуан Чжуна блеснули, его сердце забилося от волнения.

- Вчера Хань Чуань пригласил нас поесть лапшу-«головастик», а после мы все сразу вернулись в академию. Нож вполне мог выпасть именно в лавке. А эту лапшу делают из муки...

Фэн Хуань ударил кулаком по столу и резко встал.

- В лавку лапшы-«головастик»! Взять их!

Фэн Хуань стремительно ушел. Его охранники и стражники последовали за ним, выбегая из Императорской академии в сторону лавки. Охранники - это одно, они должны были оставаться с Фэн Хуанем, но стражники находились под командованием Гуань Давэя. То, что они последовали за ним, не сказав ни слова, привело Гуань Давэя в ярость. Он решил остаться в Императорской академии, и не участвовать в задержании. Если Сы Чжао-ван хочет вмешиваться в чужие дела, пусть сам и мучается. Он втайне надеялся, что подозреваемый уже сбежал, оставив его с пустыми руками.

В этот момент к ним подошел Цзян Сюнь, которого вели под руки. Чжуан Чжун поспешил к нему.

- Разве ты не должен отдыхать? Почему ты пришел?

Цзян Сюнь слабо кашлянул. Хоть его и поддерживали, такой путь заставил его задыхаться.

- Я... Я должен рассказать, что видел вчера.

Чжуан Чжун не ожидал, что Цзян Сюнь так быстро оправится, хотя тот выглядел неважно. Его лицо было бледным, все тело дрожало, голос был слабым. Тем не менее, он уже не казался таким безжизненным, как раньше. Хотя он был нездоров, но пришел в себя.

Сопровождающий сказал:

- Только что Цзян Сюнь внезапно вскочил с постели и настоял на том, чтобы прийти сюда. Сказал, что должен сообщить господину что-то важное.

Гуань Давэй усмехнулся:

- Удачно ты выбрал момент, чтобы прийти в себя.

Цзян Сюнь был слишком слаб, чтобы обращать внимание на насмешки Гуань Давэя. Он просто хотел поскорее все рассказать, поэтому он перевел дух и вспомнил вчерашние события:

- Прошлой ночью я ушел из библиотеки в маоши* и направился к юго-западному павильону. Вдруг я заметил темную фигуру, мелькнувшую в кустах. Заподозрив неладное, и я пошел в том направлении, куда исчезла фигура. Тот человек двигался очень быстро, и я не был уверен, померещилось ли мне или кто-то действительно проник внутрь. Позже я подошел к комнате Юань Лянцзюня и увидел Тан Байшаня. Я подумал, что если бы кто-то там был, Тан Байшань должен был его заметить. Увидев, что он не проявляет беспокойства и разворачивается, чтобы уйти, я тоже не стал задерживаться. Я не хотел, чтобы Юань Лянцзюнь узнал об этом, потому что он наверняка бы посмеялся надо мной за то, что я бродил по ночам.

Гуань Давэй ударил кулаком по столу.

- Какое великолепное оправдание! Ты прекрасно знал, что в дом проник посторонний с дурными намерениями, но вовремя не поднял тревогу, из-за чего Юань Лянцзюнь был убит!

Лицо Цзян Сюня побледнело. Он еще не до конца оправился, и после такого упрека его взгляд снова стал блуждающим.

- Да, это я погубил Юань Лянцзюня. Если бы я не проклял его днем, сказав про короткую жизнь, и если бы не промолчал ночью, желая избежать насмешек... Разве бы он умер? Это все я, это все я...

Цзян Сюнь бормотал себе под нос, его била крупная дрожь. Чжуан Чжун поспешно велел

позвать лекаря, ущипнул его за переносицу и стал утешать.

- Это просто несчастный случай, совпадение. Смерть Юань Лянцзюня не имеет к тебе никакого отношения. Винить нужно только убийцу.

Великий наставник гневно воскликнул:

- Гуань-дажэнь! Это Императорская академия! Каждый ученик здесь - будущая опора государства! Как ты смеешь бросаться такими обвинениями? Сегодня ты неоднократно оскорблял академию. Неужели ты думаешь, что я стерплю это? Завтра на утреннем заседании я обязательно доложу об этом императору.

Великий наставник мог напрямую докладывать императору о делах академии, его авторитет и положение при дворе были исключительными. Большинство чиновников, вышедших из этих стен, относились к нему с глубоким почтением. Однако сам Великий наставник обладал мягким характером и не любил конфликтов. Увидев, что Фэн Хуань ушел, Гуан Давэй почувствовал, что его мучитель наконец-то исчез, и выплеснул свою накопившуюся злость на Цзян Сюня. Если бы эти ученики не вводили его в заблуждение, как он мог бы неправильно оценить ситуацию, выставив себя дураком и потеряв лицо? Он и не ожидал, что Великий наставник так на него обрушится.

Хотя внутри Гуань Давэй чувствовал себя неловко, но продолжал упираться.

- Это допрос. Если не применить некоторые методы, как еще можно выяснить правду?

Однако Великий наставник не желал продолжать разговор. Он лишь заметил:

- Ты сам прекрасно знаешь, почему так поступил, Гуань-дажэнь.

Цзян Сюнь не выдержал и снова потерял сознание, его отнесли обратно в его комнату. Великий наставник был обеспокоен: скоро начинались государственные экзамены, а тут такое происшествие. Поистине, беспокойные времена. Изначально он возлагал большие надежды на Цзян Сюня, но теперь казалось, что даже просто выдержать экзамены будет для него сложной задачей.

Через полчаса пришло известие, что убийца схвачен.

На этот раз Сы Чжао-ван напрямую отстранил Гуань Давэя и сам возглавил суд. На душе у Чжуан Чжуна стало беспокойно: хотя Сы Чжао-ван и вмешался в прошлый раз, он не отстранил градоначальника от исполнения обязанностей. Такое прямое вмешательство свидетельствовало о полном отсутствии доверия к Гуань Давэю. Кроме того, Сы Чжао-ван, не имеющий официального назначения на соответствующую должность, не имел законного права возглавлять судебный процесс. Даже самый высокомерный человек не мог игнорировать

правила. Было только одно правдоподобное объяснение: император уже наделил Сы Чжао-вана соответствующими полномочиями.

Хотя Сы Чжао-ван в прошлый раз без объяснений заставил его выпить кувшин вина, судя по этим двум случаям, он оказался гораздо более надежным, чем чиновники вроде Гуань Давэя. Если Сы Чжао-ван возьмет на себя эти обязанности, это будет благом для простого народа, а он, возможно, получит возможность проявить себя. Чжуан Чжун был уверен, что Сы Чжао-ван все же весьма ценил его.

- Мы невиновны! Дажэнь, мы несправедливо обвинены!

В зале суда на коленях стояли мужчина и женщина - владельцы лавки лапши-«головастик», Чжао Сюн и Сюй Мэйнян. Чжао Сюн был высоким и крепким, а Сюй Мэйнян, оправдывая свое имя, обладала значительной красотой.*

Раздался удар судейской колотушки, мгновенно заставив всех замолчать.

Фэн Хуань холодно фыркнул.

- Раз невиновны, почему же вы только что сбежали?

Чжао Сюн поспешно объяснил:

- Эти ничтожные просто испугались.

- Если вы не сделали ничего плохого, чего бояться стражи? Ты стоишь на пороге смерти, но все еще пытаешься оправдаться, это только усугубляет вину.

Сюй Мэйнян схватила Чжао Сюна за рукав и, вытирая слезы, взмолилась:

- Чжао-лан*, давай признаемся. Видно, в этой жизни нам не суждено быть вместе. Я только молюсь, чтобы мы встретились в следующей жизни, избавленные от тех страданий, которые мы терпим сейчас.

Чжао Сюн схватил Сюй Мэйнян за руку и поклялся:

- Мэйнян, даже если это будет стоить мне жизни, я никогда не позволю этому богатому псу отнять тебя у меня!

- Чжао-лан...

- Мэйнян...

Они оба стояли на коленях на полу зала суда, смотря друг другу в глаза с такой нежностью, что Чжуан Чжуна по коже побежали мурашки.

Бам...

- Вы что, приняли зал суда за театральную сцену?! Чжао Сюн, прошлой ночью ты проник в Императорскую академию, убил ученика Юань Лянцзюня и подставил его соседа Хань Чуаня. Немедленно признавайся в содеянном!

Услышав это, влюбленные, чьи глаза видели лишь друг друга, пришли в настоящий ужас.

- Дажэнь, это несправедливость! Я всю ночь был дома, как я мог убить кого-то в Императорской академии? Когда вы пришли арестовать меня, я подумал, что мой побег с Мэйнян наконец-то раскрыли. Поэтому я в панике сбежал.

- Действительно, дажэнь. Чжао-лан и я были возлюбленными с детства. Но моя семья была бедной, поэтому отец продал меня в качестве наложницы в богатую семью. Спустя годы я неожиданно снова увидела Чжао-лана - он стал охранником в этой богатой семье. Хозяин был чудовищем, он постоянно избивал и ругал меня. Однажды он чуть не забил меня до смерти, но так и не вызвал лекаря. Позже Чжао-лан узнал об этом и тайно послал мне лекарство. Я давно потеряла надежду и не смела мечтать ни о чем другом. Но в конце концов я не смогла больше терпеть издевательств и сбежала с Чжао-ланом в столицу. Поскольку мы украли деньги из того богатого дома, когда уходили, я постоянно нервничала. Поэтому я убежала, как только увидела, что пришли стражники. Но Чжао-лан точно не убивал того ученика!

Сюй Мэйнян говорила красиво, точно зная, как передать эмоции, красноречиво изображая беспомощность и ужас пары несчастных влюбленных. Хотя побег с наложницей другого мужчины все равно влек за собой наказание, это было куда более легкое преступление, чем убийство.

Фэн Хуань рассмеялся, его взгляд оставался ледяным.

- Довольно убедительная история.

Сюй Мэйнян поспешно поклонилась.

- Эта скромная женщина говорит правду.

Чжао Сюн, тоже поклонившись, добавил:

- Дажэнь, этот ничтожный знает, что совершил преступление и готов понести наказание. Но я никого не убивал. Прошу дажэнь справедливо разобраться в этом деле.

Фэн Хуань холодно усмехнулся.

- Я знал, что вы прибегнете к таким уловкам. Именно поэтому я приказал стражникам еще на подходе к вашей лавке кричать, что они ищут убийцу. Если вы не убивали, зачем было бежать в таком ужасе? Если бы мы не подготовили засаду заранее, неизвестно, сколько еще усилий пришлось бы потратить.

Сюй Мэйнян поспешно сказала:

- Дажэнь, мы были заняты в тот момент и не слышали этих криков. Мы только услышали от посетителей, что стража пришла арестовывать людей, вот и потеряли голову от страха.

Фэн Хуань не стал больше спорить. Он подал знак, и стражник подошел с подносом, на котором лежали пара обуви и нож.

- Чжао Сюн, ты узнаешь этот нож?

Чжао Сюн взглянул на него и сразу же покачал головой.

- Никогда его не видел.

- Ты уверен?

- Этот ничтожный клянется головой, что никогда его не видел.

- Раз ты так не дорожишь своей головой, вскоре я помогу тебе с ней расстаться, - Фэн Хуань встал и подошел к Чжао Сюну. - Этим ножом был убит Юань Лянцзюнь. На нем остались следы муки. Убийца, должно быть, нечаянно испачкал его, что доказывает, что он часто имеет дело с мукой. Кроме того, следы подошвы, обнаруженные на стене академии, совпадают со следами, обнаруженными на подоконнике жертвы, кроме того, на стене также были обнаружены следы муки. Доказательства неопровержимы, а ты все еще смеешь спорить!

Чжао Сюн поспешно возразил:

- Дажэнь, я готовлю лапшу, конечно, я постоянно в муке. Но это не доказывает, что я убийца! Многие люди ежедневно работают с мукой.

Фэн Хуань не обратил внимания на его слова и продолжил:

- Владелец этого ножа, Хань Чуань, постоянно ел в твоей лавке и не платил. Он твой земляк и подозревал, что вы двое сбежали вместе. Более того, ты владеешь боевыми искусствами. Мотив, возможности и следы на месте преступления - все указывает на то, что ты убийца.

Чжао Сюн тут же отчаянно закричал:

- Дажэнь, этот ничтожный невиновен! Эти совпадения не доказывают, что я убийца! То, что я владею боевыми искусствами и работаю с мукой, не делает меня преступником!

Фэн Хуань насмешливо посмотрел на Чжао Сюна.

- Все еще отказываетесь признаться в такой момент? Сначала я хотел даровать тебе быструю смерть, но теперь вижу, что заслуживаешь гибели и ты, и твоя молодая жена.

Чжао Сюн распахнул глаза, он хотел что-то сказать, но Сюй Мэйнян опередила его:

- Дажэнь! Мой муж ни в коем случае не тот злодей, что убивает людей, чтобы скрыть правду! Если вы осудите его, основываясь исключительно на этих доказательствах, эта простая женщина не сможет смириться с этим! В этом мире полно совпадений - не только наша семья продает муку и рис, и не только мой муж владеет боевыми искусствами. А о Хань Чуане мы никогда и не думали. Разве нас можно обвинить в убийстве только потому, что он был нам должен? Бесчисленные лавочки на этой улице страдали от его притеснений, разве их всех тоже нужно арестовать?

Фэн Хуань не стал спорить, а вместо этого поднес поднос с ножом.

- Внимательно посмотрите на него. Вы видели этот нож раньше?

- Никогда! - В один голос ответили супруги.

Взгляд Фэн Хуаня стал ледяным.

- Наглецы! Чжуан Чжун...

Чжуан Чжун тут же вышел вперед.

Фэн Хуань подошел к стулу, взмахнул полами одежды и сел.

- Сделай так, чтобы они признали свою вину.

Чжуан Чжун поклонился:

- Понял.

Чжуан Чжун поставил на пол свой сундук и открыл его, говоря:

- Отпечатки пальцев каждого человека уникальны. В этом мире нет двух одинаковых. Из-за естественных выделений организма, таких как пот, на предметах остаются жировые следы папиллярных узоров, на которые налипают пылинки. Поэтому, когда человек прикасается к предмету, эти узоры отпечатываются на нем. Поскольку они слабо выражены, их невозможно увидеть невооруженным глазом. Однако с помощью специального раствора их можно выявить. Ты сказал, что никогда не видел этого ножа. Поэтому я сначала сниму твои отпечатки пальцев. Если они совпадут с отпечатками на ноже, это докажет, что вы оба лжете. И это станет прямым доказательством того, что ты, Чжао Сюнь - убийца.

На этот раз Чжуан Чжун намеренно избегал адаптации некоторых терминов на привычные для этого времени слова, чтобы его речь звучала сложно, таинственно и пугающе.

Глаза Сюй Мэйнянь были полны ужаса. Она уставилась на нож.

- Невозможно! На нем ничего нет. Как там могут появиться отпечатки? Не смейте использовать это, чтобы подставить нас!

Выражение лица Чжао Сюня также резко изменилось.

- Поэтому нужно больше читать, иначе тебя может погубить собственное невежество, - заметил Чжуан Чжун с мягкой улыбкой, но в его взгляде не было тепла. Говоря это, он поднес к глазу увеличительное стекло.

Чжао Сюнь, не ожидавший этого, был изрядно напуган этим «бычьим глазом» и, запинаясь, спросил:

- Ч-что это?

- Увеличительное стекло. Ох, ты даже этого не знаешь? А ведь это самая обычная вещь среди моих сокровищ. Ах, ты действительно недостаточно учился.

Фэн Хуань, сидя в зале, с трудом сдерживал смех, наблюдая за представлением Чжуан Чжун. Но через мгновение он понял - он ведь и сам не знал о существовании увеличительного стекла. Получается, Чжуан Чжун заодно обругал и его? Фэн Хуань мгновенно охватило легкое раздражение.

В сундуке Чжуан Чжун лежало много всевозможных странных инструментов - несколько пар ножниц и другие предметы, назначение которых было совершенно непонятным. Чжао Сюнь и Сюй Мэйнянь наблюдали за этим с растущим беспокойством. Чжуан Чжун достал несколько

странных листов бумаги.

- Это карточки для отпечатков пальцев и ладоней. Давайте, положите сюда руку - сюда левую, сюда правую. Не перепутайте их, у рук разные узоры. Вы наверняка слышали примету: «один завиток - к бедности, два - к богатству»...

Чжао Сюн внезапно закричал:

- Дажэнь! Я убил Юань Лянцзюня! Я один это сделал! Прошу вас, пощадите Мэйнян, она ничего не знала!

Сюй Мэйнян обмякла, ее глаза были пустыми.

Чжао Сюн признался, и Чжуан Чжун почувствовал облегчение. На самом деле к этому ножу прикасалось слишком много людей, а в условиях отсутствия современного оборудования собрать отпечатки пальцев непросто, а идентифицировать их еще труднее. Он намеренно блефовал, надеясь избежать этой долгой процедуры. Химических реактивов у него было немного, а изготовить новые сам он пока не мог, так что экономил как мог.

Чжао Сюн и Сюй Мэйнян действительно сбежали в столицу, украв деньги у богатого торговца. Чжао Сюн раньше был наемником и имел некоторые связи. Он помог Сюй Мэйнян сменить документы и имя, что позволило им взять новые личности и сбежать. Сюй Мэйнян намеренно изменила свою внешность до неузнаваемости, чтобы скрыть свою личность, а Чжао Сюн по возможности не появлялся на людях.

На свои нечестно нажитые деньги они открыли в столице небольшую лавку, и поначалу их жизнь была мирной и счастливой. Но кто же знал, что Хань Чуань случайно заглянет к ним. Услышав акцент Сюй Мэйнян, он узнал в ней землячку и пошутил, что она ему кажется знакомой. После этого он стал заходить постоянно и никогда не платил, настаивая на том, чтобы записать в долг. Такое поведение заставило супругов заподозрить, что он раскрыл их секрет, и поэтому осмеливается вести себя так нагло.

Позже, когда Хань Чуань становится все наглее, Сюй Мэйнян даже услышала, как он упомянул слово «побег» перед своими соучениками, что наполнило ее сердце страхом. Аппетиты Хань Чуаня росли, и в голове Чжао Сюна созрел злой умысел. Он, Чжао Сюн, никогда никого не боялся, а этот человек превратился в бездонную яму. Чтобы беда миновала, нужно, чтобы ее источник исчез.

Сюй Мэйнян выведала у Хань Чуаня точное расположение его комнаты, а Чжао Сюн, воспользовавшись ремонтом в академии, пробрался туда под видом каменщика, чтобы изучить местность. Все было готово, оставалось только дожидаться подходящего момента. Когда же Чжао Сюн увидел, что Хань Чуань привел целую ораву людей, чтобы бесплатно есть и пить, гнев в его сердце вспыхнул с новой силой. Воспользовавшись суматохой, он выкрал нож у Хань Чуаня.

В ту же ночь он проник в Императорскую академию, намереваясь убить Хань Чуаня. Однако, когда он подошел к двери Хань Чуаня, из соседней комнаты вышел Тан Байшань. Чжао Сюн поспешно запрыгнул в комнату через окно, подняв шум. Тан Байшань испугался звука и окликнул кого-то, и в этот самый момент Юань Лянцзюнь перевернулся во сне. Чжао Сюн решил, что этот звук его разбудил и, не глядя, нанес смертельный удар.

Изначально Чжао Сюн намеревался убить Хань Чуаня, сделав соседа козлом отпущения, и тогда стражники точно не вышли бы на него. Теперь, убив другого мужчину, он, хотя и с неохотой, не убил Хань Чуаня. Он просто засунул нож под кровать и ушел. Он и не подозревал, что этот нож сохранит невидимые следы, которые заставят его признаться.

- Я... Я ничего не знал! Я сказал, что она выглядит знакомой, только чтобы завести разговор. И я брал в долг на время, я не отказывался возвращать деньги.

Узнав правду, Хань Чуань осел на пол. Неудивительно, что хозяйка всегда была так приветлива с ним и долго разговаривала - все это было уловкой. Он глупо полагал, что Сюй Мэйнян питает к нему чувства, и даже не подозревал, что за ее улыбкой скрываются ядовитые клыки.

Оказалось, что все случилось из-за него. И даже если теперь его невиновность доказана, остаться в Императорской академии было невозможно - его будущее было полностью разрушено.

Чжао Сюн и Сюй Мэйнян редко общались с другими и поэтому не знали, что такое поведение было обычным явлением среди учеников Императорской академии. У них была нечистая совесть, поэтому они думали, что Хань Чуань, должно быть, что-то знает, раз осмеливается так нагло шантажировать их. В конце концов, большинство ученых ценили свою репутацию, а ученики Императорской академии были не обычными людьми, зачем им было опускаться до таких гнусных поступков? В конечном итоге, именно их собственная вина заставляла их видеть тени там, где их не было.

Чжао Сюн и Сюй Мэйнян узнали правду, но исправить что-либо было уже невозможно. Человек был мертв, и они должны были понести ответственность за свои действия.

- Дажэнь, это дело не имеет никакого отношения к Мэйнян. Я все сделал один! Наказывайте меня! Будь то линчи* или разрывание лошадьми, я готов принять все.

Чжао Сюн начал яростно биться головой о пол, и вскоре на его лбу проступила кровь.

Сюй Мэйнян поспешно схватила Чжао Сюна и взвыла:

- Чжао-лан, если ты умрешь, я тоже не буду жить.

Слезы наполнили глаза Чжао Сюна.

- Мэйнян, это я погубил тебя. Если бы тогда я был решительнее и не смотрел, как тебя выдают за другого, ничего бы этого не было. Это я уговорил тебя отказаться от богатства и чести, и скитаться со мной, преодолевая трудности, обрек на жизнь в постоянном страхе. Теперь я втянул тебя в это. Я действительно, действительно...

Чжао Сюн попытался ударить себя по лицу, но Сюй Мэйнян перехватила его руку.

Сюй Мэйнян упорно качала головой.

- Нет, нет! Это был мой выбор. Пока я с тобой, любая горечь мне сладка.

Слезы блестели в глазах Чжао Сюна, когда он обнял Сюй Мэйнян.

- Мэйнян, пообещай мне, что будешь жить.

Подобная сцена была трогательной и печальной, но при мысли о невинно убитом Юань Лянцзюне сочувствие исчезало. Чжуан Чжун, глядя на это, чувствовал лишь раздражение. Если вы так дорожите друг другом, зачем было преступать закон и лишать жизни человека? Получается они считали, что важны только их собственные жизни или жизни их любимых, а жизни других это мусор? Теперь они сожалели об этом, но где же было это сожаление раньше?

Судейская колотушка громко ударила по столу, прерывая их.

- В деле об убийстве Юань Лянцзюня Чжао Сюном доказательства неопровержимы. Он приговорен к смертной казни через обезглавливание осенью. Сюй Мэйнян за соучастие...

- Дажэнь! - Внезапно воскликнул Чжао Сюн. - У меня есть кое-что. Я хочу обменять это на жизнь Мэйнян.

Сюй Мэйнян пришла в ужас.

- Чжао-лан, не надо!

Чжао Сюн горько улыбнулся.

- Нам уже нечего терять. Если отдадим - есть тень надежды. Если нет - как ты, такая хрупкая, вынесешь тюремные муки?

Фэн Хуань холодно фыркнул.

- Хотя Сюй Мэйнян не убивала Юань Лянцзюня, но замешана в деле и не может избежать

ответственности. Ее преступление, хотя и меньшее, чем твое, все же тяжелое. Искупление ее тяжких прегрешений будет зависеть от того, насколько ценно то, что ты хочешь предложить.

Чжао Сюн, однако, выглядел уверенным.

- Дажэнь, я украл деньги того богача и увел его наложницу. Причина, по которой он не осмелился сообщить об этом страже, а вместо этого предложил частное вознаграждение, заключается в том, что у меня есть нечто, принадлежащее ему.

Примечания:

* Цзяннань - историческая область в Китае, занимающая правый берег нижнего течения реки Янцзы. В современном административно-территориальном делении, включает южные (правобережные) части провинций Цзянсу (с Нанкином, Сучжоу и Уси) и Аньхой, город Шанхай, и северный Чжэцзян (с Ханчжоу и Нинбо). В значительной степени совпадает с регионом, известным ныне как Дельта Янцзы

* Маоши - время от 5 до 7 часов утра

* Имя Мэйнян состоит из двух иероглифов: 媚 (mèi) - привлекательный, пленительный, миловидный и 娘 (niáng) - девушка

* Лан в данном случае ласковое обращение жене к мужу, как «муж»/«муженек»

* Линчи - казнь «тысячи порезов» Это также один из самых жестоких смертных приговоров в истории человечества. Конкретная казнь выполняется палачом острым ножом, чтобы убить заключенного. Кожа и плоть на теле отрезается кусок за куском, от сотен до тысяч порезов. Заключенному часто приходится терпеть несколько часов боли, прежде чем он умирает от потери крови

<http://bllate.org/book/14926/1326273>